

Знак христианина

2 Коринфянам

12:1–12

Не от мира сего

“...собою же не хвалясь, разве только немощами моими” (12:5).

Среди людей бытует мнение, будто знаком истинного христианина является такое духовное состояние, которое можно назвать “не от мира сего”. Ощущения, связанные с подобным состоянием, часто измеряют, анализируют и выставляют в качестве признака подлинного ученичества. Иногда те, кто придает особую важность всему, что как бы “не от мира сего”, сравнивая свои ощущения, пытаются этим продемонстрировать истинность своей христианской жизни. Приглашенный на передачу “Религиозные беседы” может в качестве свидетельства Божьего присутствия рассказать о молитве, после которой он получил новую работу. В определенных кругах проверкой на принадлежность христианству является сильное эмоциональное возбуждение, ощущение силы и иступление, которое охватывает людей. Каждое богослужение у них оценивается по тому, насколько было выполнено требование о том, чтобы быть “не от мира сего”.

Именно такая проверка на истинность нашей веры напоминает нам о том, что в Новом Завете мы можем найти ответы на все наши вопросы, ибо такие же вопросы задавались и коринфянами. Второе письмо Павла к ним было ответом на их сомнения в его истинности как христианина (10:7) и Христова служителя (11:23). Некоторые, отметив его внешне ничем не примечательный вид, потребовали “доказательства” того, что Христос действительно говорит через него (13:3). Такой слабый оратор, полагали они, никак не мог быть духовным человеком. Если бы он был наделен Духом, то,

по их мнению, в нем проявлялись бы “признаки апостола” (см. 12:11, 12), которые бы доказывали его подлинность.

Подлинность Павла как Христова служителя, очевидно, оспаривали те, кого называли “высшими апостолами” (12:11). По-видимому, кто-то отрицал наличие у Павла признаков настоящего апостола – мы об этом догадываемся по тому, как придирчиво его противники “измеряют себя” и “сравнивают себя” с Павлом (см. 10:12). Павел настаивает на своих “признаках апостола”, что указывает на занимаемую им оборонительную позицию. Противники Павла хвалятся своими чудесами и “знамениями” и сравнивают свои переживания с переживаниями Павла. Они много раз испытывали состояние “не от мира сего”. Выражение “выходим из себя”, употребленное Павлом в 5:13 (*экстемен*), буквально означает “пребывать в иступленном состоянии, в экстазе”. Для некоторых пробой на подлинность был экстаз, эмоциональное переживание. Такие “признаки” доказывали, что в человеке присутствует Божий Дух.

ВОСХИЩЕН ДО ТРЕТЬЕГО НЕБА (12:1–6)

Те, кто проверял истинность духовности на основании вхождения в транс и эмоциональных переживаний, имеют своих представителей и в наше время. Они вынуждают нас спросить, какую роль подобного рода состояния играют в жизни христианина? Должны ли мы принять это в качестве проверки на нашу истинность? Или мы должны с подозрением отнестись ко всем эмоциональным переживаниям и сделать

вывод, что им не место в христианской жизни? Ответ Павла помогает нам ответить на эти вопросы.

То, что составляет содержание 12:1–6, не похоже ни на что из когда-либо написанного Павлом. Он больше нигде не говорит о подобном духовном опыте. Причина появления такой необычной темы ясна: Павел говорит о своем духовном переживании только потому, что другие вынудили его к этому. Он понимает, что сказанное им сродни бахвальству и отнюдь “не полезно” (12:1). “Вы меня к сему принудили”, – говорит он в 12:11. Такая похвальба неразумна (11:16, 17, 21), но в такой ситуации необходима (12:1). Если бы другие не навязали ему обсуждение этой темы, Павел никогда не сообщил бы о таких личных подробностях своей жизни. Он пишет о “видениях и откровениях Господних” только потому, что вынужден ответить на их хвастовство своим хвастовством.

Отрывок 12:1–10 уникален для посланий Павла, вследствие чего многие с удивлением открывают для себя, что Павел не чужд тем переживаниям, которые мы называем состоянием “не от мира сего”. У него были “видения и откровения Господни” (12:1). Это естественным образом напоминает нам о времени его обращения, которое описывается как видение (Деян. 26:19) и как откровение (Гал. 1:12). Но необыкновенные переживания Павла не закончились после его обращения. Была “чрезвычайность откровений” (12:7), и некоторые из них отражены в Деяниях (9:12; 16:19; 18:9–11). Эта тема напоминает нам 1 Кор. 14:18, где Павел говорит: “Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками”. Павел знал, что означает “выходить из себя” (5:13) ради Христа. У его критиков не было таких глубоких духовных переживаний, которые бы не испытал и Павел.

Мы не погрешим против истины, если скажем, что такие моменты были важны для Павла. На этот раз он вспоминает один особый, забываемый случай видения. Этот необычайный случай произошел за четырнадцать лет до написания 2 Коринфянам (около 42 г.). Павел говорит, что был в буквальном смысле “в другом мире”. Он “восхищен был до третьего неба” и “восхищен в рай” (12:3, 4). Это напоминает нам рассказ о Енохе (Быт. 5:24) и Илии (4 Цар. 2:11). Греческое слово “восхищен” (*χαρῖς*) указывает на то, что это произошло не по воле Павла. Такие необычные состояния были, очевидно, привычны для него. Во 2 Коринфянам он говорит об их “преизбытке”. Это происходило не благодаря особой технике или подготовке, и Павел не прилагал к этому

своих собственных усилий. Это слово в буквальном смысле означает “схвачен”, “унесен”. Павел не сомневался, что это Бог одарил его такой способностью пребывать “вне тела”.

Больше всего Павел запомнил слышанные им “неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать” (12:4). То, что слышал Павел, было невозможно передать человеческой речью. Слова Павла напоминают нам о его предыдущих ссылках на “языки ангельские” (1 Кор. 13:1) и духовные дары в 1 Кор. 12–14. Он также говорил о тех вещах, которые “не видел... глаз, не слышало ухо” (1 Кор. 2:9). Все это открывается через Божьего Духа, который дарует нам знать мысли Бога (1 Кор. 2:11, 12). Услышанные слова нельзя было выразить человеческой речью. Павел получал много видений и откровений, но одно из них было особенно незабываемым. В христианском служении Павла были моменты невыразимого духовного экстаза. Он мог хвалиться ими так же, как хвалялись его критики.

Естественно, нам бы хотелось, чтобы кто-то, кому довелось испытать подобное, как можно более точно и подробно описал это поразительное событие. Мы бы не удивились, если бы какой-нибудь великий духовидец написал целую книгу, посвященную анализу пережитого. Какие были у него ощущения? Как долго это длилось? Но это обаяние подробностей отсутствует в описании события, упомянутого Павлом. Он оглядывается назад не для того, чтобы вспомнить свои телесные ощущения. (“В теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю”). Он знает лишь то, что был “восхищен” Богом. Павел не вел дневник, чтобы хвалиться своими духовными достижениями. Он не вел счет крещениям, которые проводил (1 Кор. 1:16), своим видениям и откровениям.

Павлу неловко хвалиться своими духовными успехами, и, вероятно, поэтому он предпочитает говорить о “человеке во Христе” (12:2) и о “человеке” (12:3). “Человек” – это сам Павел, что становится ясным из 12:7. Но Павел знает, что эти великие моменты не идут от него самого. Подобные “не от мира сего” состояния случались с ним не потому, что он заслужил их какими-то своими делами. “Хвалящийся хвалился о Господе”, – говорит он в 10:17. “Видения и откровения Господни” были возможны не благодаря душевным усилиям Павла или его уникальной способности к духовным переживаниям; это была его связь с Христом. Поэтому что было хвастаться всеми этими переживаниями! Павел описывает эти моменты в своей жизни потому, что другие подняли эту тему. Он го-

ворит о переживаниях, которых “человеку нельзя пересказать”, лишь для того, чтобы все знали, что он не выдвигает их как доказательство своего ученичества!

Павел никогда не отвергал глубокий духовный и эмоциональный опыт. Но он всегда указывал, что нельзя выставлять свои переживания перед другими. Было бы неуместно анализировать и сравнивать такие ощущения. “Если мы выходим из себя, то для Бога...” (5:13), – говорил он. Такие моменты существовали между ним и Богом, а не для демонстрации всей общине. В аналогичном контексте Павел отмечал, что говорившие иными языками христиане разговаривали с Богом (1 Кор. 14:2). Сам он тоже говорил языками, но этот разговор происходил между ним и Богом (1 Кор. 14:18). В присутствии же всей церкви он предпочитал сказать пять понятных слов, нежели выставлять напоказ свой духовный опыт (1 Кор. 14:19).

Павел был готов поделиться тем, что в его жизни были необычные моменты “восхищения”, но вовсе не хотел выдвигать эти ощущения в качестве “доказательства” своего апостольства. Его критики, несомненно, хвалились этими своими “признаками апостола” (12:12). Павел с готовностью противопоставляет их “признакам” свои, но не ради того, чтобы доказывать с их помощью свое апостольство. “Таким человеком могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими” (12:5), говорит он. Более того, он считает, что свидетельствование о своих состояниях “не от мира сего” ведет к обману (см. 12:6). Те, кто делает это, могут обмануть либо себя, либо других (11:13–15). Многие могут утверждать, что испытывают переживания “не от мира сего”. Невозможно принимать всякое такое заявление как доказательство принадлежности к Христовым ученикам.

Можно предположить, что у того, кто пережил “чрезвычайность откровений”, наверное, есть что порассказать. Ведь кое-кто получает удовольствие, развлекая нас подобными историями. Но Павел воздерживается от такой похвалы (12:6), потому что предпочитает испытание очевидными фактами, известными коринфянам (см. 10:7; 11:6). Доказательством апостольства Павла является не вершина эмоционального состояния, а его дела. Его немощь, ставшая предметом немалой критики, не помешала ему изменять человеческие жизни. Там, где поверили в евангелие и где основана церковь, работает Бог. Высшим испытанием нашего ученичества является то, что могут видеть и слышать люди – дела, показывающие нашу заботу о других, свидетельства нашего самоотре-

чения ради других, моменты, когда нашу преданность церкви видят другие. Те, кто делает упор на каких-то особенных переживаниях, могут настолько увлечься своими ощущениями, что позабудут о нуждах других.

Заявления Павла и его противников относительно высших переживаний, вероятно, для большинства из нас кажутся чем-то очень далеким, так как вряд ли кто-либо сегодня на себе испытал такие же удивительные состояния. Но, тем не менее, мы сталкиваемся с аналогичными вопросами. Мы говорим о них с чем не сравнимых опущениях и о “восхищении”. Мы спрашиваем, какое место эмоции занимают в христианской жизни. Одни с тревогой и смятением смотрят на любое богослужение, взывающее к нашим чувствам. Другие же подвергают весь религиозный опыт проверке на эмоциональность и требуют такого состояния, которое было бы “не от мира сего”. Ответ Павла на этот вопрос подходит и нам. Есть место возвышенным переживаниям, но они никогда не могут быть основным показателем нашего христианства. Чувства могут обманывать нас. Но испытание Павла длительным служением, характеризующим любовью, нас не обманет.

ЕЩЕ ОДИН ДУХОВНЫЙ ОПЫТ: СИЛА И СЛАБОСТЬ (12:7–10)

Обычно в качестве “доказательств” присутствия Божьей силы и истинности нашей принадлежности к ученикам выдвигается свидетельство ответственной молитвы. Некоторые заявляют, что мы всегда можем указать на конкретные вещи, совершенные для нас нашей религией. Нам часто говорят, что, отвечая на молитву, Бог открывает двери к финансовому успеху и гарантирует нам здоровье и душевный покой. В некоторых случаях люди даже сравнивают результаты для того, чтобы доказать истинность своей веры.

Ни один христианин не станет отрицать, что Бог слышит молитвы и отвечает на них. Но не исключено, что мы можем неправильно понимать молитву и относиться к ней, как к некоей магической формуле удовлетворения наших желаний. Противники Павла, увлекшись похвалой своими возвышенными переживаниями, вероятно, хвалились также удивительными результатами своих молитв. Мы не знаем, что они говорили, но описание Павлом своей молитвенной жизни указывает на то, что он снова готов хвалиться тем, чем так гордятся они. Может быть, они говорили, что во время молитвы они каким-то особым образом ощущали Божью силу.

Павел начинает свое повествование о молитве еще одним случаем из своей жизни, который из других источников нам неизвестен. Его христианская жизнь, как он говорит, состояла не только лишь из возвышенных ощущений. Чтобы не дать ему слишком возвысить себя, Бог послал ему “жало в плоть”, “чтобы я не превозносился” (12:7). Бог вернул его с высот экстаза в раю к реальности страданий на земле. Тот, кто был “восхищен”, был смирен болью. Эта боль уравнивала экстатическое состояние. Несмотря на многочисленные предположения, мы все равно не знаем, что это было за “жало в плоти” Павла. Это мог быть либо дефект речи (см. 10:10), либо болезнь глаз (см. Гал. 4:15). В ранней церкви некоторые считали, что у Павла была эпилепсия. Такие догадки, наверное, бесполезны. Нам известно лишь то, что “жало в плоти” приносило Павлу и физическую, и душевную боль. Слово, переведенное “удручать” (“терзать”; СП), имеет еще значение “ударить кулаком”. Обычно его использовали, когда говорили об избииении (см. 1 Пет. 2:20). Оно могло указывать на то, как сказались последствия травли Павла на его здоровье. В данном контексте “жало в плоти” было примером физической немощи Павла – недостатка, которого, как считали многие, было достаточно, чтобы дискредитировать его. Великие переживания Павла легко могли бы “ударить ему в голову” и заставить раздуться от гордости – это как раз и случилось с “высшими апостолами” (10:12). Но физический недуг напоминал ему о его слабости и зависимости от Божьей благодати.

Нам бы, наверное, хотелось, чтобы кто-нибудь такой же духовной силы, какая была у Павла, рассказал нам о своей великой победе над болью, которая пришла через молитву. И в этом контексте мы ждем, что Павел поведаст о еще одном примере этой великой духовной победы. Другие, вероятно, рассказывали о своих собственных моментах в жизни, когда они через молитву получили силу преодолеть большие препятствия. Но в 12:7, 8 нас поражает то, что Павел не говорит ничего подобного. Если его читатели ожидали, что он расскажет о легких решениях проблем и впечатляющей силе, полученной через молитву, то они были разочарованы. “Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня” (12:8). Ответа не последовало ни на первую, ни на вторую молитву. “Трижды” указывает на особую страстность молитвы (см. Мар. 14:32–39), на которую нет быстрых и волшебных ответов.

Просьба Павла удалить “жало в плоти” так и не была удовлетворена. Единственным отве-

том было: “Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи” (12:9). Он был вынужден продолжать свои миссионерские труды при слабом здоровье. Вероятно, он много раз думал о том, что результаты его работы были бы намного лучше, если бы его здоровье было крепче. Он бы мог произвести впечатление на многих людей своим внешним видом и энергией, если бы только мог демонстрировать великую силу! И все же Павел не мог указать на те молитвы, которые дали ему “доказательство” Божьей силы.

Мы встречаем еще одну ссылку на слабое здоровье Павла в Гал. 4:13, где он говорит: “Знаете, что... я в немощи плоти благовествовал вам в первый раз”. Нам не известны все обстоятельства этого первого миссионерского благовествования, но нас поражает, как галаты приняли Павла, несмотря на его болезнь. Бог смог использовать его, может быть, именно благодаря болезни! Никакой телесный недуг никогда не мог остановить Павла. Он лишь менял его расписание и планы.

Именно это “жало в плоти” помогло Павлу усвоить ценный урок. “Доказательство” нашего христианства не в высших переживаниях и не в тех случаях, когда молитва “срабатывает”. Вследствие подобного духовного опыта мы лишь начинаем хвалиться нашими собственными достижениями. Истинный христианин знает, что не может полагаться на себя самого, а только на Божью благодать. “Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”. Бог мог использовать Павла не вопреки его немощи, а благодаря ей.

Не было более замечательного знака Божьей силы, чем наличие церквей по всему Средиземноморью. Эти церкви, основанные невзрачным человеком в том мире, который восхищался искусными речами и физической силой, были свидетельством присутствия Божьей силы в человеческой слабости. Если бы основатель этих церквей обладал общепринятыми “доказательствами” силы, то многие не сумели бы разглядеть действующую в мире Божью силу. Они бы сделали вывод, что в мире действует человеческая сила.

Неслучайно Павел помещает в этом контексте два столь разных описания своих духовных переживаний. В одном случае описываются моменты поразительной духовной силы, в другом – “постыдная неудача” духовного руководителя. Именно последний случай является “доказательством” истинности Павла, ибо он не желает хвалиться ничем, кроме своих немощей. В 12:5 он говорит, что может хвалиться “чело-

веком”, но не собой – разве только своей слабостью. В 12:9 он повторяет ту же мысль: “...Я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова”.

СЛАБОСТЬ И СИЛА (12:10–12)

Нужно признать, что отношение Павла к слабости и силе противоречит нашему естественному взгляду на эту проблему. Мы бы сказали: “Когда я силен, тогда силен”, потому что это норма для нашей культуры. Мы знаем, что книги по воспитанию самоуверенности всегда популярны, потому что они обращены к нашей очарованности силой. Если наш естественный взгляд воздействует на нашу христианскую жизнь, то мы рассматриваем наше служение с этой точки зрения. Думая об успешном служении или успешной церкви, мы ищем признаки силы и влияния. Мы можем поддерживать ту систему, при которой проповедники и церковные руководители вынуждены сравнивать результаты, указывающие на их умение работать. Мы можем поддаться искушению и уверовать в то, что истинное служение невозможно без видимых признаков силы: великолепного здания, новейшего оборудования, самого творческого персонала и самого большого числа членов церкви. Конечно, неплохо иметь хорошее помещение и талантливых людей. Но мы обманываемся, если делаем вывод, что наша сила необходима прежде, чем сможет проявиться Божья сила.

Если подходить с распространенными мерками, Иисус и Его ученики были совершенно бессильны. Крест символизировал человеческую слабость. Но Его слабость на кресте стала поводом для проявления силы воскресения. Павел говорит: “Ибо, хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божиею” (13:4). Благодаря Его слабости мы узрели Божью силу. В подлинном ученичестве нельзя игнорировать то, что слабость – это сила. “Жало в плоти” научило Павла тому, что Божья сила совершается в немощи (12:9). Потому-то он и благодушествовал “в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях”. И, наконец, он подводит итог сказанному: “...Когда я немощен, тогда силен” (12:10).

Что является знаком успешного служения? Успешное служение можно видеть там, где вторгается чудо креста и воскресения. Когда на-

ша немощь дает возможность проявиться Божьей силе, мы становимся успешной церковью. В 12:10–13 впечатляет то, что Павел несколько раз хвалится именно той немощью, за которую подвергался нападкам (11:30; 12:5, 9; см. 13:4). Его критики не там искали “признаки апостола” (12:12).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможно, мы часто оказываемся на месте критиков Павла, делая ставку на ложные знаки истинного христианства. Высокие духовные переживания больше впечатляют и волнуют. Они, несомненно, более привлекательны для стороннего наблюдателя. Они оставляют, как в случае с Павлом, незабываемые воспоминания. Но истинная церковь не живет в заоблачных высях. Последнее испытание ее верности – это ее готовность жить там, где есть место боли и разочарованию, где приходится справляться с физическими недугами и безысходностью. А все это даже очень “от мира сего”. *

О проповеди

Интонации проповеди

Человеческий голос обладает тремя уровнями, или регистрами высоты: низким, высоким и средним. Именно последний употребляется в беседе, а проповедь и есть беседа, только более длительная.

Начинать следует в среднем регистре, но по мере продолжения разговора голос должен меняться в зависимости от выражаемого чувства. Кто-то сказал: “Чувства и страсти, такие как радость, торжество, вызов и мольба обычно выражаются в высоком ключе, в то время как торжественность, горе, благоговение и страх требуют более низкой интонации голоса”.

Люби то, что следует любить

Однажды проповедник признался другу: “Я люблю проповедовать”. Его друг ответил: “А любишь ли ты души, которым проповедуешь?”

Автор: Джеймс Томпсон
Из выпуска: “Знак христианина”
© 1999, 2003 ИСТИНА СЕГОДНЯ
перепечатка воспрещается